12. Стернин И.А. Избранные работы. Теоретические и прикладные проблемы языкознания. Воронеж, 2008.

13. Стернин И.А. О некоторых дискуссионных проблемах лингвокультурологии // Человек. Язык. Культура: сб. науч. ст., посвящ. 60-летнему юб. проф. В. И. Карасика: в 2 ч. Ч. 1. Киев, 2013. С. 138–149.

14. Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца 20-го века. М., 1995. С. 74–117.

* * *

1. Alimuradov O.A., Latu M.N., Razduev A.V. Osobennosti struktury i funkcionirovanija otraslevyh terminosistem (na primere terminosistemy nanotehnologij). Pjatigorsk, 2011.

2. Babushkin A.P. Tipy konceptov v leksiko-frazeologicheskoj semantike jazyka. Voronezh, 1996.

3. Vereshhagin E.M., Kostomarov V.G. Jazyk i kul'tura: lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo jazyka kak inostrannogo. M., 1983.

4. Vorkachev S.G. Lingvokul'turologija, jazykovaja lichnost', koncept: stanovlenie antropocentricheskoj paradigmy v jazykoznanii // Filologicheskie nauki. 2001. № 1. S. 64–72.

5. Vorkachev S.G. Rossijskaja lingvokul'turnaja konceptologija: sovremennoe sostojanie, problemy, vektor razvitija // Izvestija RAN. Ser. lit. i jaz. 2011. T. 70. № 5. S. 64–74.

6. Isaeva L.A. O sootnoshenii ponjatij «konceptualizacija», «stereotipizacija i «precedentizacija» // Kul'turnaja zhizn' Juga Rossii. 2012. № 2. S. 58–60.

7. Karasik V.I. Jazykovaja matrica kul'tury. M., 2013.

8. Latu M.N. Psevdonauchnyj diskurs i psevdoterminy: postanovka problemy izuchenija // Vestnik Pjatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2012. № 3. S. 76–79.

9. Neretina S.S. Koncept // Novaja filosofskaja jenciklopedija: v 4 t. T. 2. M., 2010. S. 306–307.

10. Prihod'ko A.N. Koncepty i konceptosfery. Dnepropetrovsk, 2013.

11. Savickij V.M. Ideja, shvachennaja znakom. Neskol'ko voprosov po povodu obekta lingvokonceptologii. Samara, 2012.

12. Sternin I.A. Izbrannye raboty. Teoreticheskie i prikladnye problemy jazykoznanija. Voronezh, 2008.

13. Sternin I.A. O nekotoryh diskussionnyh problemah lingvokul'turologii // Chelovek. Jazyk. Kul'tura: sb. nauch. st., posvjashh. 60-letnemu jub. prof. V. I. Karasika: v 2 ch. Ch. 1. Kiev, 2013. S. 138–149.

14. Frumkina R.M. Est' li u sovremennoj lingvistiki svoja jepistemologija? // Jazyk i nauka konca 20-go veka. M., 1995. S. 74–117.

Precedence in creation of the playing tonality of discourse (by the material of verbalization of the cognitive ability)

Terminological system of linguistic-cultural conceptology as a contrastive background allowing to distinguish a linguistic-cultural concept from a pseudo-term of the same name is described; common and specialized disciplinary terminological units are studied.

Key words: *linguistic-cultural concept, linguistic-cultural conceptology, term, pseudo-term, terminological system.*

В.П. МОСКВИН
(Волгоград)

МЕТОДИКА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА*

Уточнён понятийный аппарат и проанализирована сфера действия интертекстуального анализа, выявлены его параметры и основные этапы, а также особенности фигур интертекста, наиболее значимые для такого анализа.

Ключевые слова: *методика, интертекст, прецедентный текст, фигура.*

Интертекстуальный анализ направлен на выявление межтекстовых ассоциативных связей и приёмов, служащих созданию таких связей, – фигур интертекста. К числу приёмов этого класса относятся различные типы цитирования, текстовая аппликация, текстовая аллюзия, а также парафраз текста, цитаты или крылатых слов [4, с. 81–125].

Сфера действия интертекстуального анализа. Вопрос о сфере действия интертекстуального анализа, а значит, и о его предмете сложен. М.Л. Гаспаров отмечает: «Интертекстуальный анализ до сих пор остаётся скорее искусством, чем наукой. Отчасти потому, что не решён исходный вопрос: где кончается интертекст и начинается случайное совпадение»

*Публикуется в рамках научного проекта № 13-04-00381 «Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов», поддержанного РГНФ.

© Москвин В.П., 2015

[2, с. 3]. Некоторые случаи действительно бывают спорными, особенно те, которые относятся к заимствованиям односторонних единиц и структур:

1) звуковых (ритмических и др.) – так, «когда Хомяков писал стих *Остров пышный, остров чудный*, он мог не сознавать, что ритмически и синтаксически это совпадает с Пушкинским стихом *Город пышный, город бедный*» [7, стб. 254];

2) образов – склонность некоторых филологов к ложным аналогиям и сближениям в данной сфере послужила поводом для появления известной пародии З. Паперного «Виктор Шкловский. Муха. Размышления и разборы»:

«Образ мухи проходит, вернее пролетает, сквозь всю русскую и мировую литературу – от Апухтина (“Мухи, как чёрные мысли...”) до Евтушенко (“Ты спрашивала цокотом: а что потом, а что потом?!” Правда, у Евтушенко не цокот, а шёпот, но это не меняет сущности эпизода). Сюжет “Мухи” абсолютно идентичен “Руслану и Людмиле” с соответствующими аналогами: Руслан – Комар, Черномор – Паук, Людмила – Цокотуха. Черномор не доводит дело до конца с Людмилой, подобно тому, как Паук – с Мухой. Ещё более разительное сходство в сюжетостроении между “Мухой-Цокотухой” и “Илиадой” Гомера. Правда, у Гомера нет Паука, но это уже подробности. Тут уж просто удивительные совпадения. Гомер пишет: “Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос”. Чуковский повторяет это слово в слово: “Вы букашечки, вы милашечки, тара-таракашечки”».

Обычно наиболее убедительными выглядят примеры заимствования двусторонних единиц. Однако и здесь бывают сомнительные случаи, в связи с чем следует различать два типа таких заимствований:

1. Коммеморатные (лат. *commemoratio* ‘воспоминание, напоминание’) – интертекстуально отмеченные, текстуально связанные единицы, обладающие сильными интертекстуальными ассоциациями, т.е. опознаваемые как яркая принадлежность строго определённого текста, а значит, способные служить р е ч е в о й о с н о в о й интертекстуальности, в частности:

а) коммеморатные фразы: *Всё смешалось в доме Облонских* (роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина») →; ***Всё смешалось в** глазах у **Поплавского*** (М. Булгаков. Мастер и Маргарита);

б) коммеморатные лексические сочетания: *былое и думы* (роман А.И. Герцена «Былое и д***у**мы») →«Былое и д***а**мы» (название статьи);

в) коммеморатная (аллюзийная) лексика, в частности:

– редкие фонетические, орфографические или иные варианты слов: *Револю**цьо**нный держите шаг!..* (А. Блок. Двенадцать) →*Гордость свою пролетарскую вспомни, тысячи ждущих рабочих мест. Звоном набат **революцьонный**: «Кто не работает – тот не ест!»* (К. Санрин. Прохожему, обдумывающему житьё);

– имена собственные мифологических и литературных героев, лежащие в основе о н о м а с т и ч е с к о й а л л ю з и и: *Плюшкин*, *Геракл*, *Ромео*, *Беатриче, Амфитрион* (имя героя поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея», ставшее символом гостеприимства) →***Амфитрион** был предводитель – И в день рождения жены Порядка ревностный блюститель Созвал губернские чины И целый полк* (М.Ю. Лермонтов. Тамбовская казначейша);

– авторские неологизмы: *паспортина* ~ поэма В.В. Маяковского «Стихи о советском паспорте»;

– художественно переосмысленные слова, восходящие к аллегорическим текстам или хриям: *осёл* (как символ глупости), *лиса* (символ хитрости), *парус* (символ свободы), *анчар* (символ зла и смерти) и др.

2. Единицы, которые не опознаются как принадлежащие определённому тексту, а значит, не способны служить речевой основой интертекстуальности:

а) номинативные, структурные и прочие штампы и стереотипы;

б) выдержки, извлечённые из не знакомого широкой публике текста.

Единицы 2а и 2б могут включаться в интертекстуальные отношения только при том условии, если они приобретают статус цитаты и её атрибуты: кавычки и/или указание на источник. Наличие атрибутов цитирования сообщает единицам типа 2а комичность, как, например, следующий эпиграф к статье Р. Тименчика «Руки брадобрея, или Шесть подтекстов в поисках утраченного смысла» (Нов. лит. обозрение. 2004. № 67):

Бритьё освежает.

Из разговора

При отсутствии кавычек и ссылки заимствование единиц типа 2б расценивают как п л а г и а т (лат. *plagium* ‘похищение’) – «попытку выдать чужую мысль или язык за собственные» [12, с. 29], т.е. нарушение авторского права.

Итак, основой интертекстуальных отношений, а значит, и предметом интертекстуального анализа могут стать:

1) речевые единицы, содержащие указание на источник, в частности цитаты;

2) коммеморатные единицы: а) коммеморатные высказывания; б) коммеморатные лексические сочетания; в) коммеморатная лексика.

Основой интертекстуальности и предметом интертекстуального анализа не могут являться: а) стереотипы; б) извлечения из не знакомого широкой публике текста (если не считать анализ на предмет плагиата видом интертекстуального анализа). Видимо, осознавая данный факт, в 1975 г. французский филолог М. Пешо (1938–1983) вводит понятие интердискурса как «того, что говорится всегда, говорилось прежде, в другом месте и независимо друг от друга» [11, с. 43]. Позже М. Ангено предложил различать понятия: 1) интертекстуальности как «циркуляции и трансформации идеологем»; 2) интердискурсивности как «интеракции и взаимовлияния гомологичных дискурсов». Основой интертекста, по М. Ангено, является «идеологема» – принадлежность конкретной «доктрины» [8, с. 106–107], т.е. авторской картины мира и конкретного дискурса. Отсюда следует, что основой интердискурса является стереотипная единица.

Этапы интертекстуального анализа. Рассмотрим основные этапы процедуры интертекстуального анализа:

1. Выявление: а) инотекстовых вкраплений («инотекстем», «гетеротекстем») в анализируемом тексте; б) прецедентного текста, которому эти вкрапления принадлежат. В роли прецедентного текста обычно выступает широко известное произведение; если же адресат его всё-таки в силу определённых причин не знает, он, ориентируясь на «след чужого текста» [13, с. 4–5] (резкую смену стиля, прозиметрический характер текста, т.е. чередование прозаической и стихотворной речи и т.д.), может вычленить инотекстему и далее путём поиска в Интернете найти прецедентный текст, которому она принадлежит.

2. Определение фигуры, вводящей инотекстему. К числу таких фигур относятся:

а) цитирование – дословное воспроизведение фрагмента какого-либо текста, сопровождаемое ссылкой на источник (подробнее см.: [6, с. 25–29]);

б) текстовая аппликация – цитирование без ссылки на источник: *У частного поверенного Зельтерского слипались глаза. Природа погрузилась в потёмки. Затихли ветерки, замолкли птичек хоры и прилегли стада.* А.П. Чеховым использована «вставка» из басни И.А. Крылова «Осёл и соловей», что придало тексту характер прозиметрии;

в) текстовая аллюзия – ассоциативная отсылка к определённому произведению, нередко однословная (подробнее см.: [5, с. 37–43]). Особенностью текстовой аллюзии, отличающей её от цитаты, является отсутствие ссылки на источник;

г) парафраз (греч. *παράφρασις* ‘пересказ’) – приём, состоящий в изменении лексического состава устойчивого выражения или текста: *В ряду бюстов великих сынов трёх Америк вслед за президентом США Линкольном можно увидеть А. Сомосу, основателя клана никарагуанских диктаторов. Два года в парламенте идут дебаты о его упразднении,* ***но бюст и ныне там*** (Вокруг света). Парафраз основан здесь на переделке крылатых слов *а* ***воз*** *и ныне там* (И.А. Крылов. Лебедь, Щука и Рак). В исходную фразу вместо слова *воз* введено тематически ключевое слово *бюст*; в результате произошла тематическая переориентация исходной единицы на текст, в который она вводится. Выразительный эффект парафраза состоит: а) в «неожиданном разрушении определённой модели непредсказуемым элементом» [14, с. 471]; б) в том, что он «придаёт двойное звучание всему контексту» [3, с. 254].

3. Определение функций выявленных фигур интертекста – цитирования, аппликации, аллюзии и парафраза. Так, аппликация и парафраз могут быть использованы как игровые приёмы, цитата – в целях убеждения (т.е. как довод к авторитету), например: «Тит Ливий (59 до н.э. – 17 н.э.), римский историк, говорил: “Исход крупных дел часто зависит от мелочей”. Считаю, что, к большему сожалению, следствие и сторона обвинения не установили все обстоятельства, подлежащие доказыванию» (Адвокат Ж.Е. Туяков, начало речи).

4. Определение типа прецедентного текста. Прецедентный текст (лат. *textuspraecedens* ‘предшествующий текст’) представляет собой текст, послуживший ассоциативной базой для фигур интертекста. Существует два ассоциативных типа прецедентных текстов: а) текст-источник, служащий донором для таких извлечений из него, как цитаты, крылатые слова и аллюзии, и связанный с ними парциальными ассоциациями «часть ~ целое»; б) производящий текст, служащий основой для производства травестированного текста и связанный с ним деривационными ассоциациями «производящее ~ производное», что, в частности, по-

зволяет говорить о внутренней форме травестийного текста.

Особенности фигур интертекста, значимые для анализа. Каждая фигура интертекста имеет свои особенности, которые следует учитывать в процессе интертекстуального анализа.

Особенности анализа цитаты

По отношению к прецедентному тексту (т.е. источнику) данные фигуры можно подразделить на три разряда: 1) обязательно содержащие указание на источник (все виды цитирования); 2) не содержащие такого указания (аппликация и аллюзия); 3) не обязательно содержащие указание на источник (парафраз, в частности травестирование). Цитата и аппликация, в отличие от аллюзии и парафраза, должны сохранять форму источника (хотя эта норма нередко в различных целях нарушается). Соответственно, анализ цитаты предполагает верификацию: 1) её источника (что актуально по отношению к фигуре псевдоцитирования, которая представляет собой приписывание несуществующей цитаты какому-либо авторитету); 2) её формы, что актуально по отношению к контекстомии (англ. *contextomy*<*контекст* + греч. *τομέω* ‘режу’) – уловке, которая реализуется следующими двумя тактиками:

1) извращением формы цитаты в соответствии с собственным замыслом. Так, В.И. Ленину приписывают следующие слова, ставшие крылатыми: «Каждая кухарка должна научиться управлять государством». В первоисточнике, однако, читаем: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас вступить в управление государством» (статья «Удержат ли большевики государственную власть?», окт. 1917 г.);

2) вольным истолкованием содержания цитаты, вырванной из контекста. Вот как использует эту манипулятивную технику Лукиан Самосатский (125 – 190 н.э.), один из ярких представителей античной софистики: О мужестве и отваге мухи не нам подобает говорить; красноречивейший из поэтов – Гомер – не со львом, не с леопардом и не с вепрем сравнивает отвагу лучшего из героев, желая его похвалить, но с дерзновением мухи, с неустрашимостью и упорством её натиска. Ведь именно так он говорит: «не дерзка она, но дерзновенна» (Лукиан. Похвала мухе).

Речь идёт о Гекторе, ср.: «Крепость ему в рамена и в колена богиня послала, Сердце ж наполнила смелостью мухи, которая, мужем Сколько бы крат ни была, дерзновенная, согнана с тела, Мечется вновь уязвить, человеческой жадная крови» (Илиада, песнь XVII, стихи 569–571). Однако Гомер подразумевает кровожадную неуёмность мухи (явно отрицательная оценка), Лукиан же – «неустрашимость и упорство её натиска» (положительная оценка).

Особенности анализа аллюзии

При анализе текстовой аллюзии следует иметь в виду, что средствами её выражения являются:

1) отдельное слово или вариант слова, способные обеспечить ассоциативную «привязку» к конкретному прецедентному тексту, в частности авторские неологизмы: *апофегей* (*апофеоз* + *апогей*) ~ повесть Ю.М. Полякова «Апофегей» → ***Апофегеем** «бунта Первой Конной» стали события в Рогачеве* (А.Ю. Щербаков. Гражданская война);

2) ряд однословных единиц, не отражающих компонентной, позиционной и грамматической структуры исходного текстового фрагмента: *Криница. **До** самого **донца** наполнено **солнцем*** (реклама подсолнечного масла «Криница»), ср.: *Светить всегда, светить везде, **до** дней последних **донца**, светить – и никаких гвоздей! Вот лозунг мой и **солнца**!* (В. Маяковский). Сравним название кинофильма «Ирония судьбы» и первую строку в эпиграмме В. Гафта: *Не будь «**иронии**» в **судьбе,** Мы б не узнали о тебе* (А. Мягкову). Такая аллюзия именуется р а з в ё р н у т о й (англ. *extendedallusion*).

Слова-носители текстовой аллюзии называют её маркёрами, репрезентантами. По номинативной технике текстовая аллюзия, в отличие от аппликации, представляет собой неточное, фрагментарное воспроизведение части какого-либо текста: «Аллюзия не предполагает формальной идентичности. Примеры маркёров – искажённая цитата или одиночное существительное в новом падеже» [9, с. 110]. Таким образом, текстовая аллюзия представляет собой интертекстуально осложнённую номинацию, «особый вид текстовой импликации» [1, с. 103–104], и имеет строго определённую номинативную технику.

Наконец, необходимо различать аллюзии текстовые и нетекстовые (бытовые, исторические); последние к интертекстуальности отношения не имеют.

Особенности анализа парафраза

При парафразе замена не должна нарушать ритмико-синтаксическую структуру производящей единицы, т.е. должна быть незаметной. Наиболее удачны в этом плане замены словом: 1) равносложным (*бюст* вместо *воз*),

Все дороги ведут ***к нам*** (реклама), ср. *в Рим*; 2) близкозвучным: *Вольному – Volvo* (реклама), ср. *воля*; 3) созвучным: «гениальный секретарь» (В. Войнович), ср. *генеральный*.

Объектами парафраза выступают:

1) «безымянные фразеологизмы» (С.И. Ожегов), пословицы, поговорки: *Неча на иго пенять* (заголовок) <*Неча на зеркало пенять, коли рожа крива*. Этот тип парафраза к сфере интертекстуальности не относится;

2) фрагменты текста: а) цитаты: *Много у Ленина сказано в масть, многие мысли частично верны, и* ***коммунизм есть советская власть плюс эмиграция всей страны*** (И. Губерман) <*Коммунизм есть советская власть плюс* ***электрификация*** *всей страны* (В.И. Ленин); *Гастал.* ***В желудке*** *все спокойно* (реклама) <*В* ***Багдаде*** *всё спокойно* (к/ф «Волшебная лампа Алладина»); б) крылатые слова: *Граждане России имеют «Bravo» на отдых и «Bravo» на труд* (реклама); в) тексты (этот тип парафраза именуется травестированием). Сила данного приёма состоит «в обманутом ожидании» [10, с. 1338]. Сравним два стихотворения:

Исходный текст	Производный текст
Гор**ные** верши**ны**	Пья**ные** ула**ны**
Спят во тьме ночной;	**Спят** перед столом;
Тих**ие** доли**ны**	Мягк**ие** дива**ны**
Полны свежей мглой;	Залиты вином.
Не пылит дорога,	Лишь **не** спит влюблённый,
Не дрожат лис**ты…**	Погружён в меч**ты…**
Подожди немного,	**Подожди немного:**
Отдохнёшь и ты.	Захрапи**шь и ты!**
М. Ю. Лермонтов	*А. Н. Апухтин*

Поскольку травестирование регулярно используется как приём комической стилизации и бурлеска, данная фигура традиционно определяется как бурлескный парафраз (имитация, «перевод») текста «с сохранением его сюжета» [15, с. 361–362] .

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. М., 1990.
2. Гаспаров М.Л. Литературный интертекст и языковой интертекст // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2002. Т. 61. № 4.
3. Земская Е.А. Речевые приёмы комического // Исследования по языку советских писателей. М., 1959.
4. Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. 3-е изд. М., 2015.
5. Москвин В. П. К уточнению понятия «аллюзия» // Русская речь. 2014. № 1.
6. Москвин В. П.О цитировании, его видах и функциях // Русский язык в школе. 2013. № 10.
7. Розанов И. Заимствование литературное // Литературная энциклопедия: в 2 т. М.–Л., 1925. Т. 1.
8. Angenot M. Intertextualité, interdiscursivité, discours social // Texte: Revue de critique et de théorielittéraire. 1983. № 2.
9. Ben-Porat Z. The Poetics of Literary Allusion // A Journ. for Descriptive Poetics& Theory of Language. Vol. 1. 1976.
10. ΈρμογένουςΠερίμεθόδουδεινότητος // Rhetoresgraeci / Em. Ch. Walz. Vol. VII. Stuttgartiae& al., 1834.
11. L'inquiétude du discours: Textes de Michel Pêcheux / ed. D. Maldidier. Paris, 1990.
12. Moss S., Moss C. The New Composition by Logic. Southern Illinois Univ. Press, 1978.
13. Riffaterre M. La trace de l'intertexte // La Pensée: Revue du rationalismemoderne. Vol. 215. 1980.
14. Riffaterre M. Criteria for Stile Analysis // Word. 1959. Vol. 15. № 1.
15. WoodhouseleeA. Essay on the principles of translation. Edinburgh, 1813.

* * *

1. Arnol'd I.V. Stilistika sovremennogo anglijskogo jazyka. M., 1990.
2. Gasparov M.L. Literaturnyj intertekst i jazykovoj intertekst // Izvestija RAN. Ser. lit. i jaz. 2002. T. 61. № 4.
3. Zemskaja E.A. Rechevye prijomy komicheskogo // Issledovanija po jazyku sovetskih pisatelej. M., 1959.
4. Moskvin V.P. Intertekstual'nost': Ponjatijnyj apparat. Figury, zhanry, stili. 3-e izd. M., 2015.
5. Moskvin V. P. K utochneniju ponjatija «alljuzija» // Russkaja rech'. 2014. № 1.
6. Moskvin V. P.O citirovanii, ego vidah i funkcijah // Russkij jazyk v shkole. 2013. № 10.
7. Rozanov I. Zaimstvovanie literaturnoe // Literaturnaja jenciklopedija: v 2 t. M.– L., 1925. T. 1.
8. Angenot M. Intertextualité, interdiscursivité, discours social // Texte: Revue de critique et de théorielittéraire. 1983. № 2.
9. Ben-Porat Z. The Poetics of Literary Allusion // A Journ. for Descriptive Poetics& Theory of Language. Vol. 1. 1976.
10. ΈρμογένουςΠερίμεθόδουδεινότητος // Rhetoresgraeci / Em. Ch. Walz. Vol. VII. Stuttgartiae& al., 1834.
11. L'inquiétude du discours: Textes de Michel Pêcheux / ed. D. Maldidier. Paris, 1990.
12. Moss S., Moss C. The New Composition by Logic. Southern Illinois Univ. Press, 1978.
13. Riffaterre M. La trace de l'intertexte // La Pensée: Revue du rationalismemoderne. Vol. 215. 1980.
14. Riffaterre M. Criteria for Stile Analysis // Word. 1959. Vol. 15. № 1.
15. WoodhouseleeA. Essay on the principles of translation. Edinburgh, 1813.

Methods of intertextual analysis

There are specified the notions, analyzed the sphere, revealed the parameters and the main stages of the intertextual analysis, as well as the peculiarities of the intertext figures that are the most significant for such analysis.

Key words: *methods, intertext, precedent text, figure.*

В.И. КАРАСИК
(Волгоград)

СМЫСЛОВОЙ КОНТРАСТ В ТЕКСТЕ ВЕРЛИБРА

Рассмотрено контрастирование идей в текстах современного русского верлибра. Установлено, что типичными смысловыми оппозициями в свободном стихе выступают противопоставления подлинного и кажущегося, свободного и связанного, реального и воображаемого, привычного и неожиданного, божественного и человеческого, прошлого / будущего и настоящего, эфемерного и стабильного, имеющего право на слово и несущего ответственность за сказанное.

Ключевые слова: *поэтический текст, верлибр, смысловой контраст, ценности, перефокусировка.*

Верлибр – свободный стих – тип полиморфного поэтического текста, построенный, по Ю.М. Лотману, на системе «минус-приёмов» [1; 2; 3; 4; 6]. Верлибру присущ особый ритм, акцентирующий внимание на содержательных смысловых сгустках. Тематически и концептуально эти смысловые образования весьма разнообразны – это могут быть размышления о жизни, эмоциональное переживание реальности, реалистические зарисовки, иронические комментарии. Одним из способов уплотнения смысла в таком тексте является смысловой контраст. Суть этого явления точно определена К.Э. Штайн: «В поэтическом тексте возникает симметричное расположение противопоставленных элементов, вплоть до их взаимоисключаемости, их отношения и образуют нечто третье, включающее и то и другое, в результате чего текст оказывается открытым в семантическом плане при относительной закрытости структуры» [5, с. 624]. Обратим внимание на важную особенность свободного стиха: «Слабые рифмованные стихи иногда могут с большим или меньшим успехом прикинуться поэзией, – во всяком случае, они сохраняют внешнее сходство со стихами. В свободных стихах такой “звуковой материи” нет, – подражателю нечем прикрыться, не за что спрятаться. Необходимо найти в н у т р е н н ю ю форму, а она создается абсолютной естественностью интонации, точно выверенной системой повторов, подхватов, ритмико-синтаксических параллелизмов» [6, с. 337].

Показательно стихотворение И.С. Тургенева «Враг и друг»:

Осужденный на вечное заточенье узник вырвался из тюрьмы и стремглав пустился бежать… За ним по пятам мчалась погоня.

Он бежал изо всех сил… Преследователи начинали отставать.

Но вот перед ним река с крутыми берегами, узкая – но глубокая река… А он не умеет плавать!

С одного берега на другой перекинута тонкая, гнилая доска. Беглец уже занес на нее ногу… Но случилось так, что тут же возле реки стояли: лучший его друг и самый жестокий его враг.

Враг ничего не сказал и только скрестил руки; зато друг закричал во все горло:

– Помилуй! Что ты делаешь? Опомнись, безумец! Разве ты не видишь, что доска совсем сгнила? Она сломится под твоею тяжестью – и ты неизбежно погибнешь!

– Но ведь другой переправы нет… а погоню слышишь? – отчаянно простонал несчастный и ступил на доску.

– Не допущу!.. Нет, не допущу, чтобы ты погибнул! – возопил ревностный друг и выхватил из-под ног беглеца доску. Тот мгновенно бухнул в бурные волны – и утонул.

Враг засмеялся самодовольно – и пошел прочь; а друг присел на бережку – и начал горько плакать о своем бедном… бедном друге!

Обвинять самого себя в его гибели он, однако, не подумал... ни на миг.

– Не послушался меня! Не послушался! – шептал он уныло.

– А впрочем! – промолвил он наконец. – Ведь он всю жизнь свою должен был томиться в ужасной тюрьме! По крайней мере он теперь не страдает! Теперь ему легче! Знать, уж такая ему выпала доля!

– А все-таки жалко, по человечеству!

И добрая душа продолжала неутешно рыдать о своем злополучном друге.

© Карасик В.И., 2015